

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.6.13>

Соболевский Алексей Владимирович

ОБЩЕСТВЕННО ПРИЕМЛЕМЫЕ ФОРМЫ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИНЫ В РОССИИ XVI В.

Статья посвящена проблеме выявления социально приемлемых (не являющихся маргинальными) форм самореализации женщины в России XVI в. Автор приходит к выводу, что в данный период прослеживается целый ряд таких форм как в рамках семьи, так и за её пределами. В работе также раскрывается механизм генезиса рассматриваемых явлений. Научная новизна статьи определяется исследованием данной проблематики в конкретных хронологических рамках XVI века, мало привлекавшего внимание исследователей в силу плохой сохранности и дискретности источниковой базы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/6/13.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 6. С. 72-76. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

26. Шамшури Д. А. Справка // Политехник. 1972. № 4. С. 1-2.
 27. Щелков А. Бюджет института на 1925 год // Известия и труды Русско-китайского политехнического института. 1924-1925. № 2. С. 8-9.
 28. Щелков А. Наше интервью. Перепечатка на журнал «День политехника» 1925 г. февраль // Политехник. 1970. № 2. С. 24-25.
 29. Щелков А. Первый и второй выпуски инженеров путей сообщения // Известия и труды Русско-китайского политехнического института. 1924-1925. № 2. С. 9-10.
 30. Kallgren Joyce K. China: Teng's New Long March // TIME. 1978. № 22 (112). P. 50-53.

HARBIN INSTITUTE OF TECHNOLOGY IN THE PERIOD OF 1920-1976

Meshcheryakov Aleksandr Yur'evich
Antropov Oleg Konstantinovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Astrakhan State University
daomeshcheryakov@gmail.com; olegantropov1@gmail.com

The authors trace the formation and development of Harbin Institute of Technology in Manchuria in the period of 1920-1976. The paper reveals the basic motives for the active development of engineering higher school in Harbin. The source basis of the study includes all the issues of "Polytechnic" journal. New material on the theme is summarized; post-structuralism approaches are applied to study the national history. The authors examine certain aspects of intercultural communication between the Russians, Chinese and Japanese within the space of Harbin Institute of Technology.

Key words and phrases: Institute of Technology; "Polytechnic" journal; Harbin; Russia; China; Japan; Chinese Eastern Railway; engineers; post-structuralism.

УДК 94(47)

Дата поступления рукописи: 26.09.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.6.13>

Статья посвящена проблеме выявления социально приемлемых (не являющихся маргинальными) форм самореализации женщины в России XVI в. Автор приходит к выводу, что в данный период прослеживается целый ряд таких форм как в рамках семьи, так и за её пределами. В работе также раскрывается механизм генезиса рассматриваемых явлений. Научная новизна статьи определяется исследованием данной проблематики в конкретных хронологических рамках XVI века, мало привлекавшего внимание исследователей в силу плохой сохранности и дискретности источниковой базы.

Ключевые слова и фразы: Российское государство; XVI в.; история семьи; общественное положение женщины; самореализация женщины.

Соболевский Алексей Владимирович

Томский государственный педагогический университет
alexios76@inbox.ru

ОБЩЕСТВЕННО ПРИЕМЛЕМЫЕ ФОРМЫ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИНЫ В РОССИИ XVI В.

К настоящему времени целым рядом исследований установлено уникальное место XVI столетия в истории России – именно в эту эпоху сформировались многие устойчивые особенности политического, экономического и культурного уклада Русского централизованного государства, влияние которых в трансформированном виде ощущается до сих пор [25, с. 114]. Однако не все аспекты изменений русского общества этого времени одинаково хорошо изучены. Во-первых, этому мешает относительная скудость сохранившихся источников, вследствие чего некоторые сюжеты кажется затруднительным осветить с достаточной репрезентативностью; во-вторых, некоторые из данных аспектов стали предметом пристального изучения отечественных историков лишь сравнительно недавно. На наш взгляд, несмотря на имеющиеся объективные трудности, задача детального исследования всех аспектов социокультурных трансформаций русского общества XVI в. продолжает оставаться **актуальной**. Одному из таких аспектов – социально приемлемым возможностям самореализации индивидуализирующейся женской личности – будет посвящена данная статья.

Как в дореволюционное, так и в советское время отечественная историография уделяла относительно мало внимания истории общественного положения женщины в XVI в. Дореволюционные авторы, однако, осуществили частичную систематизацию источников по этой проблеме – в этом отношении особенно заслуживает внимания труд И. Е. Забелина «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях». После 1917 г. специальное обращение к тематике такого рода было рискованным – так, монография Б. А. Романова «Люди и нравы Древней Руси» вызвала острое неприятие в академических кругах. Пожалуй, единственный аспект проблематики, хорошо изученный в советское время, – историческая демография различных общественных

групп, в особенности крестьянства (труды В. А. Александрова и др.), посадского населения (труды М. Г. Рабиновича), служилого сословия (труды С. Б. Веселовского). В большинстве обобщающих трудов по истории России XVI в. проблема общественного положения женщины затрагивалась либо эпизодически, либо в контексте разделов, посвящённых истории «быта и нравов».

Ситуация изменилась в постсоветское время, когда отечественные историки получили возможность писать в русле женских и гендерных исследований. Наиболее фундаментальные труды по данной тематике принадлежат Н. Л. Пушкаревой. В её статьях и монографиях констатированы принципиальные изменения в этой области на протяжении XVI в. (например, ограничение имущественных прав женщин, утверждение терема), а также обозначено названное столетие в качестве рубежа между весьма различными конфигурациями положения женщины в семье и обществе в целом [18, с. 6]. Однако, поскольку сохранность источников за этот период оставляет желать лучшего, в некоторых отношениях уступая даже предшествующему времени, Н. Л. Пушкарева сделала предметом детального анализа иные периоды истории допетровской Руси. То же можно сказать о работе Н. Ш. Коллман «Соединённые чество» и некоторых других исследованиях, отдельные выводы которых касаются изучаемого нами столетия.

Таким образом, **научную новизну** данной статьи определяет то, что специального обращения к теме общественно приемлемых форм самореализации женщины в России в хронологических рамках XVI в., насколько можно судить, в отечественной исторической науке до сих пор не было.

Цель статьи – выявить бытование обозначенных выше форм на протяжении данного столетия. Для достижения этой цели необходимо выяснить, имело ли утверждение в XVI в. патриархального единовластия в семье какие-либо «позитивные» для женщины стороны; проанализировать возможности её самореализации как в семейной жизни, так и за пределами семьи; раскрыть причины сохранения или расширения таковых. В силу особенностей источниковой базы речь пойдёт преимущественно о женщинах элитной среды, однако хорошо известно, что культурные процессы именно в этой среде зачастую имели для всего общества значение престижного образца или, по крайней мере, прецедента.

Как известно, быстрая военно-политическая централизация Русского государства во второй половине XV в. стала одним из главных определяющих факторов глубокой перестройки его экономики, общественных отношений и культуры. Не стала исключением и сфера семейной жизни. Именно в XVI в. даже в наиболее консервативной, крестьянской, среде, по мнению исследователей исторической демографии, господствующим типом семьи становится малая (в основе которой лежит брачная пара и её прямое потомство) [1, с. 57-58]. К тем же выводам приходят исследователи демографии горожан [19, с. 179]. Это не значит, конечно, что такой тип семьи не был известен ранее, но именно теперь, с ослаблением родовых связей, он становится доминирующим. Не случайно идеальная семья, обрисованная в знаменитом «Домострое» редакции Сильвестра, – также семья малая, возглавляемая патриархальным «государем дома». Как государство, так и церковь были заинтересованы в утверждении на микроуровне подобной «вертикали власти», как бы воспроизводившей в миниатюре формирующееся российское самодержавие. Глава семейства становился главным проводником духовного и идеологического контроля над её членами; кроме того, эрозия разветвлённой системы родовых связей обеспечивала известное равенство всех членов общества в подчинении власти, укрепляя последнюю.

Влияние этой новой семейной модели (которая в некоторых социальных кругах доживет до XIX в. практически без изменений) на положение женщины, казалось бы, очевидно. Нарцательное значение, которое приобрёл термин «Домострой», а также тот социально-критический пафос, с которым данный уклад жизни подвергся бичеванию, к примеру, в «Грозе» А. Н. Островского, привлекают внимание, прежде всего, к системе жесткого контроля над поведением женщины, априорной подозрительности к ней. Достаточно известны и феномен «теремного затворничества» в среде знати, и обобщенный литературный образ «злой жены», и отдельные яркие проявления страха перед колдовством, преимущественно женским. Тем не менее Н. Ш. Коллман выдвинула менее очевидный тезис – «патриархат в действии» оказывал на положение женщины отнюдь не однозначное влияние. Так, например, вследствие общественной несамостоятельности женщины оскорбление таковой рассматривалось как унижение ответственного за нее мужа или отца, символически неспособного ее защитить. Поэтому возмещение за оскорбление женщины было выше; и хотя штраф шел в пользу мужчины – главы семейства, саму по себе такую юридическую защиту женской чести трудно расценить иначе как позитивный с точки зрения общественного положения женщины фактор [7, с. 115].

Хотя работа Н. Ш. Коллман построена на источниках XVII в., к нормам предшествующего столетия сделанные ею выводы вполне применимы (правда, по материалам XVI в. нельзя проследить, насколько они соблюдались). Русское законодательство этого времени тяготело к симметрии в половом аспекте. Женщины сохраняли право подавать жалобы, выступали и ответчицами [16, с. 149]. Согласно Судебнику 1550 г., штраф за бесчестье во всех случаях, даже для крестьян, умножается вдвое, когда речь идёт о женщине [23, с. 238].

Применимость вышеназванной концепции к XVI в. косвенно помогает установить рассказ о казни по приказу Ивана Грозного жены одного из опальных, мёртвое тело которой долго висело в доме вдовца, он же должен был есть в присутствии столь наглядного напоминания о могуществе своего господина [3, с. 106]. Если это соответствует реальности, мотивом царя могло быть желание предельно подавить мужское самолюбие наказанного, заставив его испытывать ежeminутное ощущение несостоятельности в роли защитника своей семьи.

Убийства, изнасилования, обнажения на позор жён и дочерей опальных являются общим местом в рассказах об Иване Грозном. Однако матери почти не выступают жертвами – вспоминается лишь убийство Евфросиньи Старицкой, не носившее публичного и позорящего характера, да и казнь на колу в 1575 г. князя

Б. Тулупова и его матери (о мотивах источник молчат) [20, с. 196] кажется скорее мучительной, чем позорящей. Казнь матери могла причинить не меньшую, если не большую душевную боль, но мать в системе властных отношений стояла как минимум не ниже сына – отсутствовал бы эффект унижения. Кстати, обвинения противников в «изведении» жены, царь молчит о смерти своей матери Елены, хотя объективно она-то и могла с высокой вероятностью стать жертвой «злых бояр» [8, с. 228; 11, с. 26-31], а вот смерть Анастасии почти наверняка была естественной [2, с. 94]. Возможно, Ивану покушение на его жену казалось средством унижить его самого (он обвинял Сильвестра и Адашева в фактическом захвате власти), убийство же матери не могло иметь подобного значения, поэтому подозрительность царя не фокусировалась на данном эпизоде.

Конечно, социальные возможности женщины обеспечивались в XVI в. не только оборотными сторонами патриархального единовластия. Развернувшийся в Русском централизованном государстве процесс индивидуализации личности, в том числе женской, дал уже к тому времени некоторые заметные ростки. Утверждающаяся патриархальная малая семья должна была дать женщинам некую компенсацию за ограничение их общественной самостоятельности.

К вопросу об индивидуальном выборе брачного партнёра церковь не относилась как к чистой формальности. Известны наставления русских иерархов о необходимости добровольного согласия. Отчасти объяснением служит укоренённое в традиционном сознании представление о клятве или обете как добровольном акте, без чего они недействительны (ср. слова Ефросиньи Старицкой о присяге: «Ино какое то целование, коли невольное?») [24, с. 526]. Причиной могло быть и желание церкви иметь дело не с родовыми структурами, а с личностями (брак рассматривался не как сделка между родами, а как договорной союз между лицами).

Светские нормы известны нам хуже. В древнерусском праве чрезмерное вмешательство в брачный выбор девушки было криминализировано: запрещалось как принуждение к замужеству, так и препятствие ему [16, с. 72; 27, с. 285-287, 295]. В Судебниках этот вопрос не затрагивается. В литературных произведениях XVII в. неравный брак либо осуждается, либо вписан в смеховой контекст [18, с. 18, 20, 49]. Однако в литературе XVI в. встречаем и одобряемый автором пример мезальянса – образ Февронии в житийной повести Ермолая-Еразма, хотя крестьянка в роли княгини вызывает столь же отрицательные чувства бояр, как боярская дочь Анастасия Романова в роли царицы – у князя С. Ростовского. В уникальном для XVI в. документальном источнике престарелая вотчинница объясняет продажу двух сёл необходимостью уплатить огромную неустойку обманутому в своих надеждах жениху «для слез» внучки завещательницы [17], что показывает не только возможность личного брачного выбора, но и признание его «общественным мнением» (правда, лишь по «слезному молению»).

О положении женщины в роли жены свидетельствует «Домострой»: она играет ключевую роль в хозяйстве как личным трудом, так и управлением слугами – не случайно именование ее «государыней» дома [4, с. 24, 26, 27]. Это прослеживается даже при царском дворе. Царица имела некоторую степень юрисдикции над женской половиной дворца, а в более широком смысле – и над подданными женского пола. Во всяком случае, в следующем столетии она принимала жалобы и прошения у женщин [6, с. 370-372], а в «Повести о Петре и Февронии» и речах князя С. Ростовского прямо говорится: «господствовать женами нашими», «служить своей сестре» [13, с. 638; 18, с. 82]. Известны «росписи» иерархии размещения боярынь, видимо, основанной на служебном положении их мужей [8, с. 149]. Для знатных женщин главной формой ручного труда было вышивание с использованием дорогих материалов. Образцы их работ (различные церковные покровы) дошли до нас [18, с. 32].

Возрастает степень участия женщин также в воспитании детей. В письмах Василия III Елене Глинской он с беспокойством интересуется состоянием здоровья своих детей и указывает просить совета о заболевании наследника у членов «женского двора» [12, с. 3-5]. Таким образом, Елена, по меньшей мере, «курировала» воспитание детей, если и не занималась им лично. Правда, по мнению исследователей, особое значение для Ивана Грозного имел образ не матери, а кормилицы (позднее сосланный боярами в монастырь) [10, с. 175]. Но важно то, что в сочинениях царя не прослеживается влияние мужчины-воспитателя – если «дядька» и был, реального психологического контакта с ним не оказалось [26, с. 12]. Розыскное дело о смерти царевича Дмитрия (1591 г.) не показывает в его окружении (в девятилетнем возрасте!) никакого воспитателя, называя, помимо царицы и круга сверстников, лишь мамку [21, с. 14]. Столь продолжительное женское воспитание, очевидно, свидетельствует о частичном осознании специфики детского возраста (напротив, в Древней Руси малолетний Святослав символически бросает на несколько шагов по указанию дядьки первое копьё в битве).

Женщина-мать (или вдова) имела больше самостоятельности – могла распоряжаться собственным имуществом, наследовала купленную недвижимость, получала часть движимости при переходе вотчины в казну или к мужским наследникам [16, с. 138]. Обязанность детей почитать мать в силу четвёртой заповеди в какой-то степени наделяла ее властными полномочиями. В крестьянской среде (правда, позднее) фиксируются женщины-«большухи» – главы семейного хозяйства [9, с. 69]. Княгиня Ефросинья Старицкая распоряжалась печатью сына [24, с. 526], то есть могла отдавать хозяйственные распоряжения по его уделу. По наблюдениям Н. Л. Пушкиревой, в XVII в. жены, а еще чаще матери служилых людей нередко уверенно распоряжались по поместному хозяйству [18, с. 82].

М. М. Кром, исследуя природу власти Елены Глинской в период её «регентства», недавно существенно пересмотрел традиционные воззрения. Оказывается, ни в приёмах посольств (за единственным исключением), ни в выдаче грамот Елена не участвовала, и даже известная челобитная И. Яганова, явно рассчитанная не на малолетнего Ивана (и имеющая пометку «чтена великой княгине»), последовательно обращается к великому князю, а Елена упоминается лишь после него и в третьем лице [8, с. 122].

Неофициальное влияние Елены отрицать невозможно, однако сообщение позднего летописца о вручении ей Василием III власти и опеки над сыном не выдерживает критики, хотя и представляется не случайным. Для его объяснения М. М. Кром обращается к редкому документу, написанному от лица великой княгини, где она именуется не матерью малолетнего правителя, а вдовой правителя покойного, утверждая, что действует по его приказу. Выходит, «существовали различные способы легитимации власти правительницы» – как матери своего сына и как вдовы своего мужа (второе и позволяет летописцу представить ее власть как регентство) [Там же, с. 127-128]. Однако могли ли в столь значимом вопросе мирно сосуществовать подобные разночтения? Позицию Елены можно объяснить иначе: с её достоинством было несовместимо публично именовать себя подчинённой сыну, а вот посторонние лица вполне могли относиться прямо к малолетнему правителю (их не касался вопрос о его сыновних обязанностях). Летопись же изображает Елену полновластной правительницей, видимо, «с подачи» Ивана Грозного, для престижа которого минимально болезненным было изобразить легитимную власть над страной в его малолетство именно в руках матери.

Фигура матери (вдовы) включалась одновременно в оппозиции мужчина – женщина и старшее – младшее поколение, будучи по одной из них выше своего сына, по другой – ниже. Вероятно, эти социальные роли не просто парадоксально сосуществовали, а каким-то образом разделяли сферы бытования. Можно догадываться, что в публичной сфере доминировала роль мужчины (поэтому самостоятельность «матерых» вдов не стоит преувеличивать), а в частной сфере доминирование матери над сыном могло походить на хрестоматийные картины из «Грозы» А. Н. Островского, хотя в XIX в. они были уже несвойственны дворянству, а лишь купеческой среде. Примеры же, приводимые Н. Л. Пушкарёвой из писем служилых людей XVII в. (от XVI столетия документы такого рода не дошли), показывают, что «трепет» перед грозной матерью прежде был не чужд и этой среде [18, с. 38].

Таковы были основные возможности для женщины «проявить себя» в рамках семьи. За их пределами можно отметить участие в богомольях и других религиозных церемониях. Женщины делали вклады от своего имени или от имени покойных родственников мужского пола; считалась возможной переписка с церковными деятелями [14; 15]. Хотя статья посвящена лишь легитимным практикам, показательны даже отмечаемые источниками злоупотребления: чтение «проскурницами» молитв над просфорами о здравии и упокоении, хождение женщин по миру для сбора церковного подаяния [5, с. 257-258].

Имели место женские гостевания и пиروвания, известные и по более ранним источникам [22, с. 395], и по более поздним, XVII в., в элитной среде с её «теремной культурой» обычно отдельные от мужчин (особенно придворные пиры), что подчёркивает и описываемый иностранцами «поцелуйный обряд»: хозяин приглашал жену явиться приветствовать гостей и обменяться поцелуем с наиболее уважаемыми [18, с. 55].

Таким образом, наряду с многочисленными проявлениями ограничения, «сворачивания» прав женщины в ходе формирования патриархальной малой семьи, наблюдается в иных аспектах сохранение, а порой и расширение этих прав, появление новых возможностей. Прежде всего, такая семейная модель уже сама по себе имела позитивную оборотную сторону, содействуя юридической защите женщины во имя сохранения чести «ответственного» за неё мужчины. Более того, обществу приходилось считаться с объективным процессом индивидуализации личности, в том числе женской. Отсюда увеличение возможности реализовать своё право на выбор брачного партнёра, участие женщины в воспитании детей, делегирование ей части ответственности за управление домохозяйством и другие проявления доверия к ней и готовности предоставить ей определённую меру свободы. Правда, масштабы этих возможностей были пока ещё несопоставимы с масштабами утверждающегося патриархального семейного единоначалия, но имели потенциал дальнейшего роста в процессе исторического развития.

Список источников

1. Александров В. А. Обычное право крепостной деревни России XVIII-XIX вв. М.: Наука, 1984. 253 с.
2. Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М.: АН СССР, 1963. 540 с.
3. Гваньини А. Описание Московии / пер. с лат., вводная статья и комментарий Г. Г. Козловой. М.: Греко-Латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1997. 176 с.
4. Домострой / изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. Изд-е 3-е. СПб.: Наука, 2007. 400 с.
5. Емченко Е. Б. Стоглав: исследование и текст. М.: Индрик, 2000. 504 с.
6. Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях: в 2-х т. М.: Типография Грачева и Компании, 1869. Т. 2. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. 866 с.
7. Коллман Н. Ш. Соединённые чеством. Государство и общество в России раннего Нового времени. М.: Древлехранилище, 2001. 461 с.
8. Кром М. М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30-40-х годов XVI в. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 888 с.
9. Лещенко В. Ю. Русская семья (XI-XIX вв.). СПб.: СПГУДТ, 2004. 608 с.
10. Николаева И. Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск: ТГУ, 2010. 410 с.
11. Панова Т., Пежемский Д. Отравили! Жизнь и смерть Елены Глинской: историко-антропологическое расследование // Родина. 2004. № 12. С. 26-31.
12. Письма великого князя Василия Иоанновича супруге его, великой княгине Елене Васильевне // Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археографической комиссией: в 5-ти т. М.: Университетская типография, 1848. Т. 1. 1526-1658. С. 3-5.

13. **Повесть о Петре и Февронии Муромских** // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI в. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1984. С. 626-646.
14. **Послание княгине Голениной** // Послания Иосифа Волоцкого / подг. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М. – Л.: АН СССР, 1959. С. 79-83.
15. **Послания княгине** // Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. Л.: Наука, 1984. С. 204-205.
16. **Пушкарёва Н. Л.** Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.
17. **Пушкарёва Н. Л.** «Слез ее ради...»: опыт микроанализа эмоциональных отношений семьи «новых русских» XVI столетия // Социальная история: ежегодник. М.: РОССПЭН, 2000. С. 268-285.
18. **Пушкарёва Н. Л.** Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X – начало XIX в. Невеста, жена, любовница. М.: Ладомир, 1997. 330 с.
19. **Рабинович М. Г.** Очерки этнографии русского феодального города. М.: Наука, 1978. 312 с.
20. **Скрынников Р. Г.** Иван Грозный. М.: АСТ, 2001. 480 с.
21. **Скрынников Р. Г.** Самозванцы в России в начале XVII в. Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1990. 240 с.
22. **Столярова Л. В.** Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI-XIV вв. М.: Наука, 2000. 543 с.
23. **Судебник 1550 г.** // Памятники русского права / под ред. Л. В. Черепнина. М.: Госюриздат, 1956. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства, XV-XVII вв. С. 229-341.
24. **Так называемая Царственная книга** // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ) / изд. А. Кошелев. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. С. 409-532.
25. **Усачев А. С.** «Долгий XVI век» российской историографии // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 104-115.
26. **Флоря Б. Н.** Иван Грозный. М.: Молодая гвардия, 2003. 403 с.
27. **Щапов Я. Н.** Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI-XIV вв. М.: Наука, 1972. 342 с.

SOCIALLY ACCEPTABLE FORMS OF WOMEN'S SELF-REALIZATION IN RUSSIA IN THE XVI CENTURY

Sobolevskii Aleksei Vladimirovich
Tomsk State Pedagogical University
alexios76@inbox.ru

The article focuses on identifying socially acceptable (not marginal) forms of women's self-realization in Russia in the XVI century. The author concludes that in this period, there was a diversity of such forms, both within and outside the family. The paper also reveals the mechanism of this phenomenon genesis. Scientific originality of the study lies in the fact that the mentioned problems are examined within the specified chronological framework of the XVI century, which has been beyond the scope of scientific research so far due to the poor state of preservation and discreteness of sources.

Key words and phrases: Russian state; XVI century; family history; woman's social status; woman's self-realization.

УДК 94(47).084

Дата поступления рукописи: 27.03.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.6.14>

На основе архивных материалов исследуются эвакуационные процессы, связанные с приемом и размещением эвакуированного населения в Горьковской области как особой социальной группы, существовавшей в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Дается оценка деятельности органов власти, руководивших перемещением, трудоустройством и материально-бытовым обслуживанием эвакуированного населения на разных этапах его пребывания на территории региона. Научная новизна работы заключается в том, что в оборот вводятся новые материалы, обнаруженные автором в архивах.

Ключевые слова и фразы: Великая Отечественная война; эвакуация; беженцы; Поволжье; Горьковская область; социальная политика; тыл.

Федотов Виктор Владимирович, к.и.н., доцент
Самарский государственный технический университет
fedotov-74@mail.ru

ЭВАКУИРОВАННОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ (1941-1945 ГГ.)

С первых месяцев Великой Отечественной войны начался процесс эвакуации населения и предприятий из прифронтовой полосы в районы, удаленные от линии боевых действий. В условиях военной обстановки, сложившейся в 1941-1942 годах, пришлось производить эвакуацию дважды: летом и осенью 1941 года, когда эвакуация была наиболее массовой, а затем летом и осенью 1942 года, когда она носила частичный характер.

Одним из центров эвакуации промышленности и населения становятся республики и области Поволжья. Регион долгое время являлся ближайшим тылом действующей армии, был удобен в географическом отношении для размещения беженцев, а такие города, как Куйбышев, Казань, Горький, Сталинград, служили крупными транзитными центрами в системе перемещения промышленных объектов и населения из прифронтовых